

Антропологи выбирают Астану

Кульшат Медеуова

С наступлением праздников небо стало другим, в нем стали летать винтовые самолеты. Говорят, что они разгоняют тучи, но дожди каждый день сбивают празднично шатающихся в мокрые, возбужденные кучи благодарного народа, среди которых затесались еще редкие для этих мест персонажи – антропологи.

Несколько десятков лет тому назад Казахстан представлял гуманитарный исследовательский интерес разве только для советологов, и только тех, кто специализировался по Средней Азии в контексте вопроса – почему в этих республиках не развивалось протестное мышление против тоталитарного советского режима? С точки зрения стандартной советологии считалось, что сговор национальных элит с центральной московской привел к обольваниванию и выхолащиванию национальной идентичности в этих регионах. Люди, забывая свой родной язык, стремились к унификации по советскому типу.

Постперестроечный расцвет национального строительства оживил гуманитарный интерес к региону. В Казахстан потянулись демократические миссионеры, которые пытались процессам национального строительства придать удобоосмысливаемую западными исследователями дискурсивность. Исследователей стали называть антропологами, возможно для того, чтобы придать интересу к нефтяной стране посыл толерантности. Новый подход выглядел как провокация: «Вы новое государство, но ваша культура имеет более глубокие корни, советское прошлое не смогло уничтожить вашу автохтонную душу, а посему освобождайте из глубин социального бессознательного ваши национальные привычки!»

Такая длинная преамбула к статье, посвященной десятилетнему юбилею новой столицы Казахстана – Астаны, может показаться странной и отсылающей к колониальным комплексам, местечковой зажатости и отчасти к дурному методологическому вкусу автора, который пытается решать проблемы, начиная с их царьгородского этапа. Но исследовательская задача такова, что необходимо показать, какую роль играет новая столица в самосознании казахстанского народа, и каким образом антропологическая дискурсивность находит новые грани самовыражения для того, что классики идеалистической философии называли народным духом.

Антропологический интерес к Астане – это интерес к тому, как язык небоскребов отражает ритмику национального самосознания; как язык скульптуры, наследницы мухинско-церетилевской монументальности, раскрывает органический порыв казахской культуры; и каким образом масштабная праздность первого десятилетнего юбилея столицы ложится елеем в растущее самосознание народа.

Традиционно мы представляем себе антропологов как исследователей бриколажных культур, как ученых, посвятивших себя канонизации маргинальной самобытности, и в этом плане Астана все-таки специфический объект для таких исследований. Город кочевников, построенный на нефтяные деньги, где роскошь и удаль машинного мира сочетается с номадической традиционностью, где градостроительные удачи совмещаются со странным, если не сказать – барочным, вкусом заказчиков. Восток и

Запад, Север и Юг в равной степени имеют право считать этот город своим. Эклектика, как политическая, так и архитектурная, в равной степени цементирует этот город в центре евразийского континента.

Все больше исследователей антропологического толка выбирают Астану в качестве своего объекта. Первые из них решают сложнейшую задачу изменения исторических масштабов при описании Астаны. То есть учебники и иные консервативные научные издания еще пишут о возникновении города в результате колониальной политики России на юге Сибири, но в то

же время происходит экстенсивное приращение артефактов о более чем тысячелетней истории этого региона, которые требуют новой интерпретации (I).

На базе Астаны разворачиваются интересные исследования о природе постмодернистских (II) городов. Проводятся сравнительный анализ национального строительства, где объектами сравнения выступают столицы бывших союзных республик (III).

Поскольку Астана – это государственный проект, постольку антропологов также интересует и то, каким образом народ воспринимает этот проект власти и совпадают ли представления о лучшем будущем у народа и чиновников, которые строят этот город (IV). Тема лабильности казахского языка, сосуществования около сотни этносов, по-прежнему представляет интерес для исследователей (V).

Это широкий спектр исследований, он вмещает в себя как политический, культурологический, социологический, так и экономический интерес к нашей стране и ее столице. Антропологическая тактика основана на полевых методах, поэтому празднование десятилетнего юбилея столицы стало катализатором для появления новых исследований (VI). Праздник удался, антропологи получили массу интереснейшего материала. Праздник был долгим, шел он ни день, ни два, а почти десять. В год десятилетнего юбилея столицы страна позволила себе эту

роскошь всенародного праздника. Очень популярный лозунг «Расцвет Астаны, расцвет Казахстана» в эти дни приобрел новую редакцию: от каждого региона столица получила подарки в виде скверов, памятников, новых объектов.

В праздничную декаду прошло более 300 мероприятий. Астане в эти дни «подарили» около 100 скульптурных композиций, из них пять крупных монументальных, а остальное то, что искусствоведами даже и не классифицируется, поскольку это парковая скульптура, но для антрополога представляет особый интерес. Конечно, не всё имеет культурную, эстетическую ценность, но эти дары были принесены на алтарь новой столицы и подспудно они отражали консолидирующую роль Астаны для Казахстана.

Самый крупный и еще недостроенный подарок – это первая очередь монумента «Казак Елі» (Земля казахов) – памятника, посвященного исторической судьбе казахского народа (VII). Монумент выполнен с претензией на выражение национальной консолидирующей идеи, он масштабен и традиционен, визуально это повтор александрийского столпа в Санкт-Петербурге. Интересно, что годом ранее на одной оси с этим монументом был торжественно открыт такой же по сути мегаломанский монумент «Дружба народов» (VIII). Некоторое время два монумента конкурировали за право визуализировать недостроенные пространства между «пирамидой» (Дворец мира и согласия) и новым Конгресс-холлом. Оба этих здания

характеризуются повышенной символической нагрузкой, расположены они друг против друга и у каждого дворца на подступах оказался свой монумент, но после праздников 2007 года «Дружба народа» была демонтирована.

Есть такая особенность в Астане – памятники появляются и исчезают с завидным постоянством. Иногда они кочуют, и это не удивительно для города кочевников. Замечательная скульптурная серия «Кочевники» (IX), которая расположилась на Водно-зеленом бульваре, первые полгода провела в «Парке влюбленных». А удивительные бронзовые воины из парка «Арай» (открыты в 2007 году) в этом году встречали гостей столицы на фестивале кочевой цивилизации «Тысячелетия вокруг Астаны», который проходил в Центральном парке.

Особенности монументального творчества таковы, что задачи, которые ставят перед скульпторами – как-то отразить консолидирующую роль и мощь власти, или выразить национальную идею, – в конечном итоге воплощаются в таких вот гигантских монументах. Это как раз та ситуация, когда вес, рост, размер имеет значение. Чем больше памятник, тем явнее он отражает силу и потенцию этого государства. К примеру, новый памятник Жамбылу Жабаеву также выполнен в гигантских размерах. Общая высота в 12 метров превращает знаменитого старца-сказителя чуть ли не в батыра. Для сравнения, памятник ему же в Санкт-Петербурге более чувствительный, раскрывающий его духовный почерк, его переживания о судьбе блокадного Ленинграда.

В этом смысле больше повезло памятнику Алие Молдагуловой, который хоть и выполнен в две натуральных величины (3,8 метра), но авторам удалось отойти от образа девушки-солдата с автоматом. Алия работы Б. Абишева получилась нежная, и даже хрупкая. Поэтому монумент и тридцатиметровый барельеф «История казахской земли» удачно вписались в угол между высотными зданиями. Особенность этого подарка заключается в том, что он является повтором установленного в Актобе (административном центре Актюбинской области) мемориального комплекса Алие Молдагуловой.

Удачным и полезным для города можно считать появление новых скверов и фонтанов. Например, город Алматы в качестве своего подарка реконструировал одну из площадей еще старого Целинограда. На площади перед дворцом «Жастар» появились три новых фонтана, сооруженные в соответствии с климатическими

особенностями Астаны.

Классические фонтаны с чашами зимой выглядят депрессивно, поэтому в новых фонтанах чаши в холодное время года выполняют функции самостоятельных архитектурных композиций в форме гранитного восьмигранника, в центре которого установлен шар.

Чуть скуднее смотрится другой фонтан, «Каскад», но зато он выполнен в виде нефтяной вышки, и это подарок нефтяной Атырауской области.

Сюжетный выбор у подарков очевиден, доминируют идеи национального согласия, процветания, консолидации и экономического благополучия. Но техническое исполнение иногда дает поводы к вопрошанию, почему эти подарки так похожи друг на друга, почему доминирует примитивный зооморфизм в парковых скульптурах.

В это лето в Астане появилось неисчислимое количество лошадей, архаров, барсов, верблюдов, сайгаков. Кроме аутентичного для Казахстана животного мира также появились и шамотовые медведи. В парке «Евразия», который подготовила Западно-Казахстанская область, была использована идея евразийского моста, объединяющего Европу и Азию, поэтому на европейской части парка были европейские символы, а на азиатской – азиатские.

Концепции такого типа банальны; например, садово-парковые скульптуры размещаются симметрично с каждой стороны от центральной композиции с шаныраком (XI), это фигуры, символизирующие собой интеллект, духовность, быт, географическое положение европейцев и азиатов. И в результате мы имеем с азиатской стороны: кобыз (XII), торсык (XIII), домбру (XIV), овцу с жаворонком на спине. Эта фигура интересна хотя бы тем, что в ней воплощена казахская мифологема идеального мира, в которой предполагается, что идеальный мир там, где «жаворонок вьет гнездо на спине овна». С европейской стороны расположены кубок, скрипка и медведь. Эквиваленция по отношению к азиатским символам несколько натянутая, в тексте аннотации читаем: «Кубок символизирует триумф человеческого разума и достижение победы». На кубке стрелки стилизованных часов показывают на римскую цифру 10, т. е. на десять лет созидания и расцвета столицы Астаны, и наряду со словом «Европа», написанном латиницей и кириллицей с двух сторон кубка, «отображают интеллект европейцев». На симметричной фигуре – торсыке, также изображен циферблат, но цифры на нем арабские и «интеллект отображают они восточный».

Очень специфическая расшифровка и образа медведя. «Медведь – типичный представитель европейских лесов, невольно ассоциируется с Россией, давним и добрым соседом Казахстана в европейской части континента. Медведь изображался в гербах многих европейских государств как символ свободы, независимости, дружбы и миролюбивого добрососедства». Такой текст содержит в себе виноватый тон: «Извините, но так получилось, что без медведя никуда». Каждая из областей, дарившая свои подарки, репрезентировала и саму себя. Величина подарка нередко говорила об определенных амбициях региональных руководителей. Самый помпезный дар был от промышленной Карагандинской области, он включает в себя шестидесятиметровый четырехуровневый музыкальный фонтан с 10 двухметровыми фигурами, символизирующими различные жанры циркового искусства, и шестиметрового циркача-эквилибриста.

Некоторые же, наоборот, выдержали чувство меры – подарок в виде облагороженного мангистауским известняком сквера рядом с мечетью Нур-Астана по-своему информативен. Белый камень в беседках, ландшафтный дизайн с использованием валунов позитивнее передают атмосферу сопричастности к празднику, чем однотипные шамотовые и бронзовые скульптурные композиции, используемые для праздничного антуража повсеместно в Астане.

Каждый по отдельности, некоторые подарки областей выглядели как повторы, и уже выпадали из контекста внутренней логики развития монументального искусства в Астане.

Все-таки для столицы монументальное искусство является ключевым, за десять лет здесь уже появились свои памятники, часть из них удачна, часть несет на себе неизгладимый отпечаток скоротечности времени.

Есть в Астане место, которое можно назвать «памятниковым». В разное время на участке в 100-200 метров здесь стояли различные памятники. Одним из первых это место облюбовал трактор «К-700», в народе именуемый «Кировцем». Он стоял на высоком постаменте, его каждый год красили как и полагается трактору в желтый цвет, рядом была надпись: «Хвала рукам, что пахнут хлебом». В самом начале строительства Астаны постамент был демонтирован, и трактор, поскольку он оказался в рабочем состоянии, был отдан в ближайший совхоз, вернее, частное хозяйство.

Теперь на месте трактора располагается Президентский центр культуры – здание, выполняющее символическую роль. Во-первых, эскиз идеи принадлежит Президенту страны Н.А. Назарбаеву – в разных изданиях об архитектуре Астаны приводится его рисунок на салфетке, который лег в основу проекта.

Во-вторых, это эклектичное сооружение, в проекции крестовокупольное, которое объединяет на своей платформе библиотеку, музей и киноконцертный зал. И, в-третьих, легкий флер восточной архитектуры достигается за счет купола голубого цвета. Можно считать это здание памятником архитектуры первых столичных лет.

Это «памятниковое» место – своеобразный разрыв, мета, черта между старым городом на правом берегу, ее целиноградской частью, и новыми районами Астаны, которая расположилась на левом берегу. В 1998 году на мосту, разделяющим город на новую и старую часть, появились барсы (XV). Эта скульптурная группа не только была парафразом на европейские темы ворот города, его символического ключа-оберега, но также отражала искания в теме национальной самобытности. Легко считывалась логика подстраивания под уже раскрученные бренды новейших национальных государств, называемых «азиатскими тиграми» (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг). В нашей логике использование барса как символа и национального тотема страны указывается на образцы подражания экономическому развитию и в тоже время сохранения национальной идентичности, поскольку барс это наш эндемик.

Но эти барсы просуществовали неполные 10 лет. В 2007 году в ходе начавшейся реконструкции моста через реку Ишим барсы были демонтированы. Сам мост не успели сдать к текущему юбилею, но его новая техническая концепция (теперь он станет вантовым с косым арочным пилоном) будет диссонировать с традиционной симметрией барсовых скульптур. Тем более, что летом 2008 года на этом месте появился новый памятник, который по своей мощи и экспрессии может стать началом новой скульптурной политики столицы независимого государства, либо концом первого этапа, в котором преобладали иррациональные мотивы национальной идентичности.

Речь идет о монументе российского скульптора Даши Намдакова «Жер-ана» (Земля-мать), который представляет собой сакскую царицу Томирис, стоящую на гигантском быке. Громадина быка располагается в свою очередь на постаменте. Размах рогов десятиметрового быка достигает семи метров. Язык скульптурных форм информативен и часто он дает срез властной проекции. Все монументы создаются властью и для власти. Но данная скульптурная и практически ювелирная по своей точности работа, несмотря на очень большие размеры самого постамена, быка, трона, на

котором стоит женщина, дает удивительное ощущение, что это памятник для народа.

Что отличает этот монумент от иных, так это ясная и четкая работа, выдержанный сюжет,

здесь нет натужного мифотворчества, каждая деталь этой гигантской скульптурной группы поражает своей проработанностью. На спине быка попона, которая закреплена, именно как это полагается, веревками, жгутами, перетяжками – нет ощущения, что зрителя обманывают видимостью. Намдаков – мастер формы. Наверно нужно быть бурятом и россиянином, чтобы сделать такой памятник, который идеально отражает нашу степную ментальность.

Ошибка монументов классического типа, созданных в европоцентристской матрице, – в стремление к высоте. Понятно, в тесных пространствах европейских городов монументы развивались в высоту, место им было в некропольных альковах, в барочных парковых складках, в центре радиального пересечения. В степном городе такие «вертикализованные» проекты смотрятся негармонично. У Намдакова же все получилось идеально: это тоже очень большой монумент, но он расположен таким образом, что массивность быка параллельна самой земле, степи, ее ровности, и только женщина с ее четким и рельефным монголоидным лицом возвышается над пространством.

На мой взгляд, автору удалось вырваться из порочного круга старой советской монументальной школы и найти формулу выражения номадической ментальности, эту формулу можно выразить так: форма не должна стесняться пространства. Именно чувство свободы, простора, вольности не покидают вас в Астане, такова матрица этого города, и Намдакову удалось это уловить.

Астана – проект, который экспрессия власти, обилие денег и наивность самого народа делает удивительно подходящим местом для нового. Эрнст Блох писал – новое, это не есть само новое, а есть тоска по новому. Именно это ощущение рождается у исследователей Астаны.

Астана – это проект желания. Одного ли человека, некоторой ли группы, всего ли народа – это по сути уже не важно. Номадическое колесо закрутило в его орбиту и великих архитекторов, и генераторов идей, и мелких чиновников-исполнителей, и пассионариев, и традиционалистов, и тех, кто исследует этот город.

I Акишев К., Чиканаев А. Раскопки и реконструкция урочища «Бозок».

II Бисенова А. Национальные и глобальные аспекты строительства Астаны.

III Бекус-Гончарова Н. Формат города: новая столица в новом государстве. Столица в перспективе национального строительства.

IV Ласковски М. Астана: город будущего глазами создателей и жителей.

V Дэйве Б. Казахстан – этничность, язык и власть.

VI Национальная академическая библиотека РК в июне 2008 года провела международную конференцию «Культурный текст Астаны».

VII Высота монумента – 91 метр, что символизирует 1991 год, год объявления независимости; на главном фасаде монумента изображена Конституция Республики Казахстан, оберегаемая могучими барсами. На его вершине находится птица Самрук, которая символизирует свободу, независимость и стремление к будущему.

VIII Скульптор – С. Нарынов.

XIX Скульпторы – Ж. Баялиев, Р. Нургазиев.

X Скульптор – М. Мансуров.